Сказка об Иване и том самом стишке

Упыри-пупыри из земли торчат, ловят всяких зайчат, волчат, человеческие тушки. Хватают за спинки и макушки. Как растения плотоядные, росой своей обволакивают и стоят нарядные, поблёскивают и побрякивают. А вокруг стущаются смачные плотные миазмы, неверные шаги — не прощаются, и вообще разъедается любой разум раз за разом.

Иван шагает мимо этих качающихся упырей-пупырей быстро и всё быстрее. Но они не кончаются, это бесконечный лес, над которым позеленевшее солнце корчится с низких небес.

«Как я попал сюда?» — думает Иван и вдруг падает в большой каменный карман. А на дне кармана светлячками облепленные вершки говорят Ивану:

— Пиши стишки. Только так ты найдёшь путь из леса упырей-пупырей, в какое-то другое место, немного подобрей.

Иван недолго думая выдаёт:

— Хуй, пизда, Джигурда!

— Нет, — говорят вершки, потеряв свои корешки, — Это беда. Дешёвый плагиат. Давай от души стишок, в котором есть любовь, но отсутствует мат.

Иван нахмурил лоб, перепрыгнул светлячков и сказал:

— Гоп! Как я люблю тебя, Так ты люби меня!

Камни закачались и небо стало отчаливать. Иван моргнул — и вот впереди обычный тёмный лес, немного оголодал, немного подвыл, немного облез.

Идёт по нему Иван и видит обкусанного колобка. Взгляд несчастный, гримаса боли, но какие аппетитные у него бока!

— Не ешь меня, Иван, я тебе ещё пригожусь, — всхлипывает колобок. Трагично, аж жуть.

А Иван пытается колобка укусить. Волки стущаются и давай выть. Лес чернеет и жёлтые светлячки говорят сквозь шерстяной смешок:

— Иван, пиши новый стишок.

— Был аппетитный колобок, Его хотел я укусить, Но что-то стало холодать И волки стали много выть. Готов я колобку помочь, Лишь если он прогонит ночь.

Светлячки в ярости:

— Это не стишок, а эгоистичные гадости. Давай такой стишок, в котором кто-то кому-нибудь реально помог.

Иван нахмурил лоб, хлопнул по ноге:

— Эгегей! В тёмном и мрачном лесу Я колобку подарок несусь — Припасён в кармане пирога кусок, Им я колобку залеплю обкусанный бок!

И чудо — лес просветлел, колобок повеселел, у Ивана в кармане исчез пирог, а вокруг возник перекрёсток семи дорог.

— Куда пойдём, мой спаситель-герой? — спрашивает колобок с неприкрытой иронией.

Иван сажает колобка на плечи и шагает куда глаза глядят, но как можно отсель далече.

По краям — голубые цветы, через ручьи — липовые мосты. Колобок с плеча Ивана свесился, как кот с дивана и напевает: тра-та-та, тра-та-та. И вдруг — впереди абсолютная пустота.

Буквально — впереди вообще ничего нет, как будто конец игры или иной свет.

Рядом стоит маленький гнилой дуб, а к нему привязан огромный гнилой зуб. Вокруг прыгают радостные колобки, кидают в зуб тяжёлой пустоты куски, и смеются над камнем, где выбито: «Всем нужны зубы, крепкие или хотя бы не выбитые! Избиение зуба карается давлением дуба».

«Нужно помочь... колобкам» - думает Иван и пустота подступает к его рукам. И духота подступает к его словам и слезам. Он слезает с себя сам, открывается как Сезам, и не верит своим глазам. Чёрные светлячки вытягивают из Ивана кишки и поют:

— Иван, подавай стишки! Подавай стишки! Подавай стишки!

Выбираясь из под завалов самого себя, Иван начинает читать:

— Родная моя земля. Родные мои поля. Как жить хорошо, Когда колобка нашёл!

Чёрные светлячки собираются в чёрный рой и говорят:

— Портки у тебя с дырой. Ты захотел быть хорошим, но не видишь более широкого контекста. Ни закону, ни порядку в тебе нет места. Пиши такой стишок, в котором правило кого-нибудь на правильный путь наставило.

Иван выдаёт:

— На краю пустоты наблюдаю полёт Невесомых пушинок и их хоровод. Только дикие пляски дурных колобков Мне мешают постигнуть законы веков. Эти злобные выпечки зуб окружив, Что-то делают с ним, но он всё ещё жив. Я его развяжу на краю пустоты. Колобки разбегутся в лесные кусты. Буду гордый стоять со щеками бобра. Это будет победа! Победа добра!

Только Иван закрывает рот, как рассасывается булочный хоровод и страдавший больной зуб около дуба хлебает суп. А вялой бледной пустоты глаз схлопывается, ресницами дрогнув единственный раз. Дорога свободна и зелень везде растёт. Иван общается с зубом, разводит костёр, и спит мёртвым сном целую ночь, а потом — быстрым шагом уходит прочь.

Вот и город шумный, большой. Ивану пока ещё хорошо. На столбах всякие таблички вроде «Эта мостовая отремонтирована при поддержке царя на отлично». Или «Если исчезнет наш царь удалой, то народу наступит вечный покой». По канавам бродят нищие, что-то перекаладывают и опять ищут. Глашатай с пьедестала орёт, как бешеная лисица: «Перед лицом внешней угрозы нам надо сплотиться и перед царём расплатиться!»

За углом парни удалые и складные, как оригами, кого-то весело забивают ногами. Из окон тянется запах бормотухи и о добром царе запевают старухи. На центральной площади под названием Ласковая сжигают очередного очкастого.

Иван идёт бодро, попивает пиво, на душе ирреально легко. Вдруг три толпы кузнецов, гончаров и писцов налетают и тычут какую-то грамоту Ивану в лицо.

Говорят: «Пошли к нам. Свергнем мудилу-царя. А то прозябаем зазря».

Иван хмурится:

— Э, нет. Государственные вопросы не решаются на улице. Ребята, давайте успокоимся и будем помнить про закон. Он суров, но таков испокон. Для каждой кончины есть свои причины. Упорядоченное дерьмо всяко лучше, чем подарков беспорядочная куча.

Налетает металлический ветер и бедного Ивана как пушинку вертит, потом приматывает к берёзовому столбу, вешает кольцо на губу и сажает на цепь, как пса. Вот такие чудеса.

Вокруг собирается народ, хворост и светлячки красные, которые требуют стишков, пока это не слишком опасно.

Иван декламирует:

— Всякое преступление Пугает меня шибко. Моё личное мнение — Произошла чудовищная ошибка. Жуткое исключение, Уникальное умопомрачение. Редкостное членовращение. Злостное царя удручение.

Выходит царь на балкон и говорит:

— Почему Иван до сих пор не горит?

Красные светлячки над ухом Ивана стараются:

— Чувствуешь, Иван, как наливаются пальцы? Чувствуешь, как заря над городом полыхает бешеным гневливым аккордом? Чувствуешь, как ухаёт молот, как в горницах шипит Мордор? Вот и пиши такой стишок, чтобы был шок.

Иван у столба ловит губами пот со лба, закатывает глаза и думает, что бы ему сказать.

Потом кричит:

— Расковыривая рану дня, Ты не сможешь убить меня. Потому что я тут и там, Околачиваюсь по дворам, Заколачиваю глаза змее, Приколачиваю себя к земле, Делаю подковы и горшки, Придумываю графеновые порошки. А за тобой, гнилая

твоя бошка, Только плесень дворца и скелетный шкаф. Ты - филькина грамота, сутулый пёс. Погляди в окно - с тебя там спрос.

Иван сошёл со столба и качает права. Идёт с кузнецами, писцами, гончарами, трясёт кулаками и густыми бровями. И всё трясётся и ходуном всё идёт, и сосётся бубликом. Царь свергнут. Тридешатое царство теперъ — республика.

Самодура нет, но нужен совет.

Собираются кузнецы, гончары, писцы, гонцы. Кумекают, как бы не отдать концы. Накумекали, что надо запретить самоходные печи, а то гонцам будет кушать нечего. Ещё надо запретить разведение волшебных щук, чтобы была работа для рабочих рук. Запретить молодильные яблоки и яблочный пунш, чтобы смертью сберечь бессмертие душ. Ещё много было таких идей. Остановились пока на запрещении грустных людей.

Иван был весел и не грустил, потому что народ победил. Так что проголосовал за. А Марья проголосовала как он сказал. Попрятались самоходные печи, уплыли щуки, вырублены яблони молодильные. Заняться всё ещё нечем, умыты руки, и тикают часы дебильные.

И вот Иван читает книжки и хочет в писцы, а Марья каждый месяц грустит и грозитя отдать концы. Каждый месяц Иван закрывает Марью в подвал, чтоб народ о грустном конфузе ничего не прознал. Марья чернеет как полынья, а Иван нажирается, аки свинья.

И вот над стаканом фиолетовые светлячки, облепили стол и сели Ивану на очки. Говорят:

— Пиши стишок, а то будет ещё более грустно и вообще ни разу не хорошо.

Иван пишет:

— Радостный крик. Разрывается снеговик. Радость застилает глаза. Все должны быть за. Какая приятная ночь. Как в неё окунуться хочется. А потом в день, и опять в ночь. Этот контрастный душ должен помочь. Качается кровь, как на ветке вытарашенный алконост. Я сую нос только туда, куда надо совать не нос.

В подвалах грустят Марьи и Василисы, а на улицах вообще ни души, ни крысы.

Над Иваном красные светлячки собираются в маленькие значки:

— Не пойдёт стишок. Он не глубок, не длинен и не широк. Может он и вызовет шок, но только как у первоклассника вонючий шинок. Твоя задача, Иван, совсем другая — она должна разрывать, помогая. Она должна сшивать, продолжая. Она должна дышать, разжимая. Расцветать, опадая. Наблюдать, создавая. Соблюдать, убеждая. Нарушать, приближая. Она должна литься как горизонт на лица, похрустывать как свежесть груши ушлой. В её нутряном пространстве натянуты нестабильность и постоянство. Она должна ломать и строить в одновременном процессе, как если разом подумать об искусственном интеллекте, тексте программы, тексте песни, революции и сексе. Свобода организовать высокоуровневый хаос. Чтобы взболтать эмерджентность и раскрутить сказочную сингулярность. Без упырей-пупырей,

человекозверей, злых колобков, безмозглых царей и тупых запретов. С яростной молодостью, умным ростом и красным летом.

Иван посмотрел на стакан. Потом стакан посмотрел как Иван смотрит на стакан, который смотрит на Иван-стакан. И говорит:

— Я не знаю что, но что-то во мне горит. Проскакивая через глаза и пальцы. И это всё больше нравится. Но как написать стишок, который как мешок для таких дел, которым никогда не всё и нигде не предел? Но как написать стишок, который буравит себя собой, ухает усатой совой, говорит мной, превращает воду в полночный вой и нянчит универсальный рой? Я понятия не имею. Не знаю где граница царства с империей, смерти с примеркою, упыря с пупырём и огня с огнём. Не могу класть слова так, чтобы смотреть на слова, как на факт. Не могу вить слова эдак, чтобы смотреть на слова, как на вечно ускользающий последок. И тем более не могу преодолеть обе эти позиции, чтобы уже с чем-то большим свозиться. Но я — колебание вокруг вектора, слепок общечеловечества и тень ветра. Поэтому лучше пока просто пожужжу: жу-жу-жу.

Сбежались самоходные печи, волшебные рыбы, молодильные яблони. Марьи и Василисы из подвалов выбежали — грустить и радоваться. По щучьему велению — разнообразие, изобилие, автономия и самоуправление. Всё сошлось одно к одному: никакой власти — никому. Всё разошлось на круги своя по воде: смерти нет, а жизнь для людей. Вокруг сияющего Ивана всё живёт и мерцает, и его вытаскивает на иную поверхность будто пинцетом цапли.

Кстати, пока Иван говорил «жу-жу-жу», он всё-таки придумал тот самый стих. Но я вам его не покажу.

Антон Шумилин

21 декабря 2023